

и монолитностью, без которых многие из его очень интересных, конкретных лингво-философских построений оказываются базирующимися на весьма шаткой основе философского феноменализма.

Те явления сознания, из которых Ж. Маторе выводит свои семасиологические построения, слишком часто оказываются явлениями сознания трансцендентального, т. е. не обусловливаемого конкретными общественно-историческими предпосылками. Поэтому, хотя представление об экстралингвистической реальности, об объективной, реальной действительности общественной жизни, породившей ту или иную систему концептов и далее — словосочетаний, и предполагается на всем протяжении работы, тем не менее исходной его никак не становится вполне явной. Вновь и вновь ведущим к основному «исходному» оказывается не сама реальная действительность, а процесс ее теоретического осмысления, предмет мыслей, искусства выносятся за скобки самого процесса мышления. Нечего и говорить о том, что развитие мышления в основном представляется как процесс эволюционный. Революционный характер переворотов в науке, в системе эстетических категорий, во всей идеологической структуре человеческого мышления не выступает с той очевидностью, какой он заслуживает по самой природе вещей. А ведь именно революционные перевороты в науке не только выдвигают новые проблемы, новые понятия и оценки, но и приводят к принципиально новым способам осмысления действительности.

Как видно из сказанного, критические замечания касаются не богатого фактического материала и не тех более конкретных лингвистических построений и выводов, которые сумел сделать в своей книге Ж. Маторе. Критическому рассмотрению и, по-видимому, гораздо более детальному, чем это можно было сделать в настоящей лингвистической рецензии, должна быть подвергнута общая философская позиция автора. Конечно, можно сказать, что при отсутствии достаточно надежной общеполитической основы вся конкретная система лингвистических выводов как бы оказывается построенной на песке, лишенной вполне надежной основы. Однако такое положение не является чем-то специфическим именно для языкознания. И в других науках можно найти немало случаев, когда прекрасное знание оказывается как бы повисшим в воздухе вследствие отсутствия той строгой и определенной общеполитической основы, без которой оно не может по самой природе вещей иметь твердую онтологическую базу.

В заключение, взвесив все «за» и «против», можно с полной определенностью оценить эту работу как очень важный и интересный вклад не только в общелингвистическую теорию, но и — что особенно важно для авторов настоящей рецензии, — в развитии конкретной методики лексико-семантического исследования языка.

Э. М. Медникова, И. В. Гюббенет

J. Vuković. Sintaksa glagola. — Sarajevo, 1967. 417 стр.

Книга Й. Вуковича «Синтаксис глагола» состоит из десяти отдельных исследований, статей и обзоров, среди которых наибольший интерес представляет последняя статья, озаглавленная «Система сербскохорватских глагольных времен и их временное и функциональное соотношение», в которой предлагается новая концепция глагольного синтаксиса и новые методы его изучения.

Исследования, выполненные в духе традиционного подхода, даже если они опираются на богатый фактический материал, не могут привести в области глагольного синтаксиса к существенно новым результатам, как об этом свидетельствуют остальные статьи этой же книги Й. Вуковича или, например, работа другого известного специалиста в этой области М. Стевановича¹. Структурный подход

должен, по мнению Й. Вуковича, способствовать решению тех вопросов, которые не могли быть объяснены традиционными методами. Он формулирует свою задачу следующим образом: «Считая предметом исследования только систему временных форм с точки зрения выражаемых ими временных значений, я хотел бы представить эту систему со всеми ее внутренними связями и отношениями, исходя из трех основных планов, релевантных для каждой отдельной формы и каждого ее употребления. Я бы хотел определить для каждой грамматической формы времени основное значение, присущее ей в системе, и все частные особенности ее употребления, а также выяснить, в какой мере необходимо учитывать для наиболее точного определения основных и частных значений не один, а все три плана рассмотрения» (стр. 354—355).

Первый план — определение отрезка времени, занимаемого действием, выраженным глагольной формой времени («вре-

¹ М. Стевановић, Функције значења глаголских времена, Београд, 1967.

менная локализация глагольного действия». Второй план предполагает выяснение функциональных значений глагольных времен путем анализа оппозиций одной формы по отношению к каждой другой и ко всем остальным формам вместе. Поскольку сербскохорватский язык располагает богатой системой временных форм (четыре прошедших, настоящее, два будущих и др.), эти формы могут иметь еще и стилистические различия в смысле оппозиции экспрессивность: неэкспрессивность.

Далее устанавливаются и определяются временные категории прошлого, настоящего и будущего. По существу для синтаксиста это главный вопрос, от которого зависит результаты всего исследования. Это и понятно — ведь всякое действие развивается во времени, а время членится на прошлое, настоящее и будущее. Автор разбирает и объясняет каждую из этих категорий.

Прошедшее может восприниматься не только как собственно прошедшее, но и как относительное настоящее; в таком случае для выражения действия в прошлом употребляется форма настоящего времени. Вместе с тем действие в прошлом может оцениваться и по отношению к другому действию в прошлом, т. е. входить в некоторую хронологическую последовательность; тогда одно из этих действий будет основным, а другое — дифференциальным. Выделяются, таким образом, действия предшествующие (*anteriorne*) и последующие (*posteriorne*). И. Вукович выделяет особо непосредственно воспринимаемое прошлое, для выражения которого служат аорист и имперфект: «временная категория непосредственно воспринимаемого прошлого, разумеется, может иметь свой отрезок времени в пределах сознательной жизни, который говорящий пережил до момента речи» (стр. 359). Говорящий при желании может отделить прошлое, непосредственно пережитое им, от прошлого вообще, но такое выделение было бы уже стилистически окрашенным. Отсюда возникает возможность переносного употребления глагольной формы по отношению к действию, которое по природе своей не может быть наблюдаемым, «путем воображаемого проникновения в ненаблюдаемое прошлое» (стр. 360).

Временные отношения в прошлом иллюстрируются рядом схем, из которых нам кажется наиболее наглядной следующая:

прошлое

настоящее

прошедшее
дифференциальное
bejaз (био сам)
писао

собственно
прошедшее
писао сам

прошедшее
дифференциальное
bejaз (био сам)
писао

пишем

По отношению к собственно прошедшему одно из дифференциальных прошедших — предшествующее, другое — последующее.

Главное место отводится в концепции И. Вуковича и настоящему времени: «Настоящее время по самой своей природе занимает центральное место в сфере прошлого, настоящего и будущего не только в хронологическом плане, но и потому, что оно является временем, относительно которого ориентированы остальные времена, в перспективе которого рассматривается все, что происходило, происходит и будет происходить в прошлом, настоящем и будущем. Центральное место в соотношении всех временных локализаций принадлежит моменту речи, так же как центральную роль во всех процессах речевого общения играет говорящий, — одно от другого неотделимо» (стр. 365).

Несомненно, что настоящее время должно быть самым главным звеном тройной системы временного членения. Было бы нелепо измерять его обычными единицами времени (минута, час, день, месяц, год и т. д.) — оно продолжается столько, сколько длится момент речи. Настоящее время не однородно, оно состоит из а) настоящего в узком смысле слова, нечленяемого, б) настоящего в более широком смысле слова, относящегося к современности, членяемого, и в) настоящего в самом широком смысле слова, нечленяемого. Примеры этих трех настоящих времен: *В этом семестре мы изучаем употребление глагольных форм; Мой приятель поет в театре, вчера я его слушал; Планеты вращаются вокруг Солнца.*

Большинство грамматистов относят настоящее время последнего типа к синтаксическому релятиву. И. Вукович трактует его иначе: «Таким образом, всякое действие, выраженное имперфективным настоящим и относящееся к настоящему в самом широком смысле как ко всевременному, имеет свое абсолютное значение настоящего времени; всякое настоящее, для выражения которого основной формой служит имперфективное настоящее время, использует эту форму как свой абсолютив, а не как релятив, как это могло бы показаться ввиду того, что оно не обозначает настоящего в более узком смысле» (стр. 370). В сноске на той же странице предлагается уточнение терминов «индикатив» и «релятив». Индикатив в узком смысле следует считать абсолютивом или абсолютным индикативом, но индикативом

тив в широком смысле остается индикативом, поскольку с лингвистической точки зрения он воспринимается прежде всего как наклонение. Релятив употребляется в обычном значении.

Будущее время печленимо, непрерывно; как и прошлое, оно может быть соотносено с линией предшествования и последования. Поскольку будущее действие только мыслится, но не осуществлено, оно не может иметь категории наблюдаемости — ненаблюдаемости. Эту категорию легко принимают действия, выражаемые относительным настоящим несовершенного вида (*Завтра я иду на море; я иду = я пойду*). Ограниченность значений будущего, выражаемого формами настоящего времени, объясняется тем, что в будущем не может быть повествовательного настоящего (И. Вукович вводит термин *приповедачки* «повествовательный» вместо прежних терминов *повести* или *исторически* «исторический» презеис). Основная форма для передачи действия в будущем — это будущее I, для передачи зависимого, подчиненного действия — будущее II; первое из них абсолютное, второе — относительное. И. Вукович считает будущее II формой времени, однако нельзя не учитывать и его особенностей как наклонения.

Автор вводит термины «маркированный» и «немаркированный». Их значение разбирается на примерах *Вчера я был в лесу и встретил волка; и Вчера иду я по лесу и встречаю волка* (*Јучер сам био у шуми и срео сам вука; Јуче идем кроза шуму на сретнем вука*). Способ выражения в первой фразе свидетельствует об информативном характере высказывания, в экспрессивном отношении оно нейтрально. Во втором случае налицо стилистическая окраска: чтобы сделать рассказ более достоверным, близким и наглядным, говорящий воспользовался формой настоящего времени вместо перфекта. Эта форма не имеет значения собственно настоящего времени, а употреблена с экспрессивной целью и потому стилистически маркирована в отличие от перфекта в первом предложении, который не маркирован. Так стилистические критерии используются для грамматической оценки синтаксических отношений, а синтаксис тем самым несколько расширяет свои границы.

И. Вукович дает четкое определение абсолютного индикатива: «Если некоторую глагольную форму можно сопоставить только с презеисом в его подлинном (т. е. наиболее узком) значении настоящего времени и если свое грамматическое временное значение она получает именно благодаря этому, а не чему-либо еще, т. е. благодаря тому, что хронологически с ней сопоставляется некоторая другая форма из той же временной сферы, то данная форма безусловно по самой своей природе (в своем нормальном упот-

реблении) является формой абсолютного индикатива» (стр. 376). Далее предлагается разграничение абсолютного и относительного индикатива по тем временным формам, которыми выражается каждый из них. «Из сказанного можно заключить, что в такой системе глагольных времен, как сербскохорватская, мы имеем, с одной стороны, абсолютные формы индикатива, к которым безусловно относятся имперфективное настоящее, в своем обычном употреблении передающее значение собственно настоящего времени, перфект и будущее время как наиболее общие формы для передачи прошлого и будущего, а с другой стороны — формы относительного индикатива, включающие прежде всего плюсквамперфект и будущее II по тому признаку, что действия, выражаемые ими, не могут отсчитываться непосредственно от момента речи, а определяют свое отношение к настоящему (реально существующему) только посредством тех событий, которые выражаются соответственно перфектом и будущим» (стр. 376—377). В указанных формах проявляются первичные функции форм, обслуживающих абсолютный и относительный индикатив. Но система глагольных времен позволяет выразить и другие оттенки временных отношений (наблюдаемое прошедшее, экспрессивность и т. д.). Для этих целей употребляются вторичные формы, т. е. зорист и имперфект.

Далее автор рассматривает взаимоотношения трех основных времен в определенном выше аспекте. Настоящее является основной, нейтральной, т. е. немаркированной категорией, а перфект и будущее — маркированными. Схематически эти отношения на уровне абсолютизма выглядят так:

время (t)	маркированность (M)
перфект	+
настоящее	0
будущее (I)	+

или проще — перфект $tM+$; настоящее $tM0$; будущее I $tM+$. Эта же формула позволяет выразить отношения и между остальными формами, например: плюсквамперфект $tM+$; перфект $tM0$ (с точки зрения временной категории прошлого перфект оказывается дважды немаркированной формой); плюсквамперфект $tM+$; настоящее $tM0$ (плюсквамперфект дважды маркирован: по отношению к перфекту и по отношению к настоящему. Маркированность относительно перфекта — маркированность первой степени, относительно настоящего — второй степени).

Обратные отношения связывают формы настоящего — будущего I — будущего II: настоящее $tM0$; будущее I $tM+$; настоящее $tM0$; будущее II $tM+$; будущее I $tM0$; будущее II $tM+$ (дважды маркировано будущее II).

В заключение определяется значение аориста и имперфекта. По отношению к перфекту и настоящему времени аорист маркирован ($M+$), но поскольку он маркирован еще и стилистически, то в формулу вводится еще символ st (= стилистический): аорист $tMst+$: перфект $tMst0$.

В системе временных отношений автор рассматривает еще так называемый неполный перфект (перфект без вспомогательного глагола *бити*) и два типа плюсквамперфекта. А. Белич считал неполный перфект категорией синтаксического релятива; И. Вукович доказывает, что эта форма употребляется и в индикативе, например *Дошли светове*. Полный (со вспомогательным глаголом) и неполный перфект противопоставляются по признаку экспрессивности: неэкспрессивность. В силу ярко выраженной экспрессивности неполный перфект употребляется преимущественно для передачи модальных значений (предположение, пожелание, предостережение и др.). По своей стилистической окраске он близок к аористу, но отличается от него по значению.

Плюсквамперфект образуется от имперфекта или перфекта вспомогательного глагола *бити* и действительного причастия (*бијах написао* и *био сам написао*). Между двумя этими формами автор усматривает различие в значении: а) в смысле наблюдаемости — ненаблюдаемости (различие точно такое же, как между перфектом и имперфектом) и б) в плане употребления. Примеры сообщений о недавнем действии в прошлом: *Бијаху се напили људи у кавани*; *Бијаху се посађали око некаке земље*. Здесь по существу плюсквамперфект на месте сложного перфекта, но его употребление объясняется желанием представить действие в прошлом как непосредственно наблюдаемое. Передача данных ситуаций формами *били су се напили* и *били су се посађали* означает, что существовало некоторое другое действие, предшествовавшее описываемому. Плюсквамперфект, включающий имперфект вспомогательного глагола, имеет некоторый дополнительный стилистический оттенок и по отношению к форме *био сам* + причастие оказывается стилистически маркированным.

Во второй главе определяются внутренние связи и отношения глагольных времен, устанавливаются их оппозиции. Как уже было сказано, перфект и будущее время маркированы относительно настоящего и состоят в первичной оппозиции к нему, откуда следует, что настоящее — немаркированное (нейтральное) время. Отношения же между перфектом и будущим определяются тем, что они, находясь на одной линии времени, связаны друг с другом не непосредственно, а через настоящее, и потому их оппозиция вторична. Прошедшее и будущее находятся друг к другу в оппозиции, но не

непосредственной. По отношению друг к другу они не маркированы, но маркированы по отношению к настоящему.

Таким образом, существует два типа маркированности — первичная и вторичная, соответственно маркированность первой и второй степени. Для наглядного представления этих отношений вводятся необходимые символы: o = оппозициональность; $/1/$ = первичная маркированность, $/2/$ = вторичная маркированность ($/1/M+$, $/2/M+$); немаркированность первой степени (первичная) = $/1/M0$, немаркированность второй степени = $/2/M0$, затем взаимно не маркированные оппозиции: $M=-$.

Оппозиции выглядят следующим образом:

перфект ~ настоящее
перф. $o/1/M+$: наст. $o/1/M0$
перфект ~ будущее
перф. $o/2/M=-$: буд. I $o/2/M=-$ (и обратно)

Если речь идет только о первичных оппозициях, знак $/1/$ может опускаться.

Каждый член глагольной временной системы не может быть противопоставлен каждому другому члену. Так, например, плюсквамперфект не образует оппозиции с будущим I , но он противопоставлен будущему II , поскольку плюсквамперфект означает дифференциальное прошедшее, а будущее II — дифференциальное будущее.

Далее последовательно определяются отношения между аористом, имперфектом, плюсквамперфектом, будущим II и неполным, бессвязочным перфектом (для простоты автор обозначает его перфект II) с тем, чтобы в конечном счете получить полную характеристику каждого времени в отдельности. Например, полная характеристика аориста представлена следующим образом:

$o/1/ \frac{o/1/ \vee /2/M+o/1/ \vee /3/M0}{\text{наст. и перф. имперф.}} \cdot o/2/ \frac{o/2/M+}{\text{буд. I}}$

(символом v обозначается двусторонняя связь между членами оппозиций первой степени; взаимные же временные отношения обозначаются цифрами).

В третьей, центральной главе работы предлагается общая характеристика временных форм в их временных и функциональных отношениях. Наиболее простая формула у настоящего времени:

$T \frac{tM0}{\text{наст.}}; o \frac{oM0}{\text{наст.}}; st \frac{stM-}{\text{наст.}}$

которое не маркировано ни во временном ($tM0$), ни в функциональном ($oM0$), ни в стилистическом ($stM0$) отношении. Перфект I сложнее:

$T \frac{tM+}{\text{наст.}}; o/1/ \frac{o/1/M+}{\text{наст.}}; o/2/ \frac{o/2/M=-}{\text{буд. I}}; st \frac{stM0}{\text{буд. I}} \text{ писано сам}$

[читается: маркирован относительно настоящего времени как своего нейтрального коррелята, $tM +$; в оппозиции I степени (или ступени) по отношению к настоящему маркирован ($o/2/M =$)]

Аналогично представлены все остальные времена, их отношения сложнее, нежели у настоящего времени и перфекта. Любопытно, что имперфект участвует одновременно в трех оппозициях I степени: он противопоставлен как маркированный член перфекту, настоящему времени и аористу. В оппозиции II степени он тоже маркирован — по отношению к будущему I.

Заключительный раздел работы посвящен вторичному употреблению глагольных времен, хотя полного описания их не дается. В этом известный недостаток работы. Тем не менее намечен путь выявления и исследования вторичных отношений между глагольными формами времени.

Поскольку вторичная функция временных форм может смыкаться с синтаксическим релятивом, индикативным или модальным, трудность состоит в определении границы «абсолютного употребления абсолютной формы». В работе рассмотрена вторичная сфера употребления настоящего времени и перфекта.

Вторичное употребление времен — это замена одних временных форм другими или же выражение значений, передаваемых обычно наклопомем, т. е. тоже замена. Вторичное употребление в индикативных категориях содержит в себе и стилистическую маркированность. Так, например, повествовательное (историческое) настоящее маркировано по отношению к абсолютному настоящему: *Книгу пише жура Вукашине...* (или *Јуче идем улицом на срећнем пријатеља*) и *Овог часа размишља о употреби глаголских облика*. Приведенные формы настоящего времени можно представить в таких отношениях: наст. *пише* (или *идем*), релятивное, $tMst +$ — наст. *размишља*, абсолютное, $tMsto$. Таким образом, в системе времен маркированное относительно настоящего противопоставлено немаркированному собственно настоящему.

Относительное употребление обеих категорий глагольных форм, и относительных, характерно прежде всего для придаточных предложений. Это объясняется самой природой категории подчинения (придаточности), несмотря на то, что иногда в придаточных предложениях возможно и абсолютное употребление временных форм.

И. Вукович справедливо считает, что обстоятельства времени типа *прошла године*, *јучер*, *у феудално доба*, *сутра*, *идуће године* и т. п. не релевантны при отнесении временной формы к абсолютному индикативу. На вопрос *Где си био?* можно ответить: *Ишао сам у шуму* и *Јучер сам ишао у шуму*. В обоих случаях прошедшее время дифференцировано по отношению

к собственно настоящему, только в первом случае степень его дифференцированности не определена, а во втором — определена.

В классификации формальных средств, служащих для определения времени действия предложения, И. Вукович следует за французским лингвистом П. Эмбсом². Первый способ выражения времени называется внутренним, грамматическим, точнее морфологическим, временное значение заключено в самом глаголе или обусловлено его отношениями с другими формами. Другой способ — внешний, лексический; временное значение передается обстоятельствами времени. Естественно, что внешние средства имеют второстепенное значение и не могут изменить абсолютного или относительного характера временной формы. Сравнение фраз *ишао сам* и *јучер сам ишао* ($M0 \sim M +$) показывает, что они противопоставлены только на уровне синтагм. Этим опровергается мнение тех грамматистов, которые видят в обстоятельствах времени главный повод для выделения оппозиции абсолютив : релятив.

Автор пишет об аористе: «Удаленность или близость действия к моменту речи сама по себе не играет никакой роли в смысле принадлежности к абсолютиву или релятиву ни в случае какого-либо из претеритных времен или будущего времени, ни в случае аориста» (стр. 404). И добавляет: «Глагольная форма сама по себе может передавать представление о близости действия к моменту речи (ср. во французском *passé recent* и *futur prochain*); при этом она может иметь и временные уточнения (*вчера*, *завтра* и т. п.), но своего абсолютно индикативного характера она не может утратить именно потому, что она снабжается такими уточнениями» (там же).

В хорватской и сербской лингвистике до сих пор актуален вопрос о значении форм аориста от глаголов несовершенного вида. Существуют противоречивые мнения: одни считают, что этот аорист имеет точно такое же значение, что и перфект, другие же утверждают, что он выражает аористное действие. И. Вукович не высказывается по этому поводу специально, но его можно понять в том смысле, что аорист от глаголов несовершенного вида остается аористом независимо от вида.

Автор оставляет открытым вопрос о разграничении абсолютного и относительного употребления перфекта. Относительный характер перфекта бесспорен, когда речь идет о действии, предшествующем и определяемом в зависимости от другого действия в прошлом. Спорным оказывается характер перфекта в повествовании, именно неясно, составляет ли он в этом случае функциональную времен-

² P. I m b s, L'emploi des temps verbaux en français moderne, Paris, 1960.

ную оппозицию к перфекту в его чисто информативном значении. Материал оказывается весьма разнородным, и автор воздерживается от определенных выводов.

Что касается оппозиций, основанных на повторяемости действия в прошлом, настоящем и будущем, то автор считает, что они не носят характера временных (темпоральных) оппозиций, не являются темпоральными в полном смысле слова (сама повторяемость не зависима от ситуации речи и, следовательно, не влияет на принадлежность действия к индикативному релятиву или абсолютиву). Модальные глагольные формы, как сказал бы Г. Гийом³, темпорально аморфны, и, следовательно, их употребление (если оно действительно имеет модальный смысл) относительно (так как они могут приобретать и временные признаки); им не хватает необходимой для всякой временной категории ориентации (прямой или

косвенной) на ситуацию настоящего времени (стр. 406).

Применив структурный подход к описанию сербскохорватских глагольных форм в их функциональных взаимоотношениях, Й. Вукович проложил новые пути в синтаксисе сербскохорватского языка: теми же методами могут изучаться, например, отношения между падежами и даже предложениями. Благодаря этой работе приблизились к своему разрешению многие вопросы. Говоря о дальнейшей программе исследований в этой области, автор призывает поставить изучение синтаксиса глагола на более широкую — южнославянскую и общеславянскую — основу. Это предполагает одновременный пересмотр некоторых вопросов внутри сербскохорватского языкознания в свете идей мировой современной лингвистики.

М. Шимундич

Перевела с сербскохорватского

С. М. Толстая

³ Имеется в виду работа: G. Guilleaume, *Temps et verbe, théorie des aspects, des modes et des temps*, Paris, 1929.